

УДК 343.2.01(575.2)

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВА СУЩЕСТВОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ?

Л.Ч. Сыдыкова

Анализируется состояние текущей судебно-правовой реформы в Кыргызстане в части внедрения такого нового института, как уголовный проступок. Рассмотрены этапы формирования в законодательстве уголовного проступка, а также дано отличие его от административного правонарушения. Обосновывается необходимость внедрения уголовного проступка в новое законодательство Кыргызской Республики.

Ключевые слова: уголовный проступок; судебно-правовая реформа; административная юстиция; преступление; административная преюдиция; правонарушения.

ЖАЗЫКТЫК ЖОРУК: КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МЫЙЗАМДАРЫНДА КОЛДОНУУ КЕЛЕЧЕГИ БАРБЫ?

Л.Ч. Сыдыкова

Жазыктык жорук сыяктуу жаңы институтту киргизүү жаатында Кыргызстандагы соттук-укруктук реформанын учурдагы абалы талдоого алынган. Мыйзамдарда жазыктык жоруктун калыптануу этаптары, ошондой эле анын административдик укук бузуудан айырмасы каралат. Кыргыз Республикасынын жаңы мыйзамдарына жазыктык жорукту киргизүү зарылчылыгы негизделет.

Түйүндүү сөздөр: жазыктык жорук; соттук-укруктук реформа; административдик юстиция; кылмыш; административдик преюдиция; укук бузуулар.

CRIMINAL MISDEMEANOR: IS THERE A PROSPECT OF EXISTENCE IN THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC?

L.Ch. Sydykova

The article analyzes the state of the current judicial and legal reform in Kyrgyzstan in terms of the introduction of such a new institution as criminal misconduct. The stages of the formation of a criminal offense in the legislation are considered, and its difference from an administrative offense is also given. The necessity of introducing a criminal offense into the new legislation of the Kyrgyz Republic is substantiated.

Keywords: criminal misdemeanor; judicial and legal reform; administrative justice; crime; administrative prejudice; offense.

Человек, судивший от имени
социалистического государства,
не способен измениться.

С.Е. Вицин

Уголовный проступок – новый вид уголовного правонарушения. Едва возникнув в УК КР 2017 года, он был успешно ликвидирован в последующей постреволюционной реформе 2021 г., просуществовав всего каких-то 2,6 года¹.

Непринятие данного деяния правоохранительными органами объясняется во многом тем, что это совершенно новый правовой инструментарий, который был предложен президентом и парламентом страны в 2012 г. в целях

¹ В настоящее время в связи с возражением Президента обсуждается вопрос о возвращении институ-

та проступка, но не самостоятельным кодексом, как это было ранее, а в структуре УК.

гуманизации массива преступных деяний, который стал нарастать с периода приобретения независимости страны. Реализация уголовного проступка фактически началась в 2019 г., когда кодексы уголовно-правового блока вошли в действие. Правоохранительные органы начали перестройку своей деятельности, вплоть до создания подразделений по расследованию уголовных проступков. Реализация уголовного законодательства – очень важный этап в обеспечении правоприменителя определенными ориентирами для повышения эффективности их деятельности и исключения любых процедур, связанных с нарушением прав человека [1].

Ранее законодатели в целях разгрузки Уголовного кодекса и снижения криминализации и по предложению правоохранителей переводили некоторые преступления в разряд административных правонарушений. Немного истории: в КоАП 1997 г. стали успешно переходить такие преступления из УК 1997 г., как побои, легкий вред здоровью, неосторожное уничтожение имущества, угроза убийством и др. Хотя и ранее в кодексе уже содержались уголовно-правовые нормы, такие как ответственность за мелкое хищение, мелкое хулиганство и др. В результате, административный кодекс стал по сути “младшим братом” Уголовного кодекса. При этом провозглашенная в Конституции презумпция невиновности для лиц, привлеченных за административное нарушение, осталась лишь на бумаге. Процессуальные гарантии для человека в старом КоАП не предусматривались. Априори люди признавались виновными, так как сразу составлялся протокол об административном нарушении и должностное лицо по своему разумению признавало его виновным. Также попытка привлечь суды к наложению административного взыскания является отголоском старой советской системы управления обществом, когда судебная власть выполняла функции исполнительной власти, а не функции правосудия, как этого требует сейчас действующая Конституция КР.

Реформаторы последнего поколения не разобрались в понимании того, что система административной юстиции построена таким образом, что в сфере ее орбиты могут находиться только иски частных лиц против государствен-

ного аппарата, то есть той бюрократии, которая, выполняя разрешительные и регистрационные функции, оказывает услуги гражданам. В то время как административные правонарушения, носящие уголовно-правовой характер (мелкое хищение, домашнее насилие, угроза убийством), не являются административными в понимании административной юстиции. Они были и всегда останутся уголовными деликтами. И в какие бы кодексы их не перемещал законодатель, они останутся уголовными, они есть по природе своей криминальные.

Попытка изменить правопонимание преступления и административного правонарушения в реформе кодексов уголовно-правового блока 2017 г. не удалась. Надо, видимо, менять поколения юристов, чтобы выправить ситуацию соответственно потребностям времени, а не приспособлять знания прошлого века к веку нынешнему. Правильно писал Л.В. Головкич, что “важно лишь изменить подход... осознав, что в теоретическом смысле кодекс (имеется ввиду КоАП) представляет собой разновидность норм не об административной ответственности (ее несет публичная администрация перед гражданами), а о мелкой уголовной ответственности, пусть законодатель и избегает здесь по символическим мотивам данного жесткого термина. Это позволило бы значительно оптимизировать и поставить под жесткий контроль любые формы проявления государственной репрессии” [2].

Вероятно, необходимо готовить юристов нового поколения со знанием современных тенденций развития уголовной политики и международных стандартов. Но это задача на будущее.

Кыргызстан, заявив о реформе кодексов в 2012 году, сделал первую революционную попытку исправить это положение. Законодатели смело перешли на новый формат управления и определения функционала всех участников процесса. Судебная ветвь власти стала реально осуществлять правосудие. Данная реформа коснулась обновления уголовного законодательства. Она действительно была востребована, поскольку изменились как политическая, так и социальная и экономическая ситуации в стране. Кардинально изменился подход к пониманию уголовного правонарушения, основанию

уголовной ответственности. Это позволило сделать шаг вперед и ввести понятие уголовного проступка.

К сожалению, последующая реформа 2021 г. под прессингом правоохранительных и надзорных органов вернула все уголовное законодательство на старые рельсы, с теми же проблемами, ошибками и полным игнорированием международных стандартов.

Что касается уголовного проступка, то следует отметить, что он нашел свое место ранее в законодательстве ряда Европейских государств. Многие исследователи отмечали эффективность введения данного института [3].

Постсоветские государства только в настоящее время начали реальный переход к применению данной правовой модели деяния, приспособивая её к действующему внутреннему национальному законодательству, поскольку эволюционные процессы развития общества и государства остановить никто не может.

Первыми государствами, которые ввели категорию уголовных проступков в национальное законодательство, стали государства Прибалтики, Украина, Грузия. В Центральноазиатском регионе первые законодательные новеллы по совершенствованию уголовного законодательства были введены в Республике Казахстан. Парламент республики предусмотрел составы уголовных проступков как часть Уголовного кодекса. Кыргызстан, следуя политике реформы, предусмотрел проступки в самостоятельном законодательном акте – Кодексе о проступках. Узбекистан разработал Концепцию внедрения уголовных проступков и активно движется в этом направлении [4]. Российская Федерация также начала процедуры по внедрению уголовных проступков в законодательство по инициативе Верховного суда страны, исходя из идей дальнейшей гуманизации УК [5]. Но данный процесс также встречает препятствия на своем пути, хотя концептуальные договоренности во властных структурах России уже достигаются.

Что же является целью внедрения института уголовного проступка? В первую очередь, реализация политики гуманизации уголовной ответственности, сокращение тюремного населения страны – когда за незначительные преступления назначаются наказания в виде лишения

свободы. Во-вторых, следует отметить отмену судимости за совершение уголовного проступка¹. В-третьих, проведение декриминализации преступлений, снижение мер репрессивного воздействия на лиц.

Внедрение в Кыргызстане Кодекса о проступках позволило провести масштабную декриминализацию и депенализацию уголовных деяний. Значительное число лиц, ранее осужденных за преступления небольшой тяжести, были освобождены из мест заключения и обрели свободу. Так, по данным ГСИН КР, в связи со смягчением уголовного законодательства пересмотрено 5165 уголовных дел. В результате, 431 осужденный освобожден, а 1063 заключенным снижены сроки наказания. Также в отношении 2444 осужденных сроки наказания оставлены без изменения, дела 417 осужденных оставлены без рассмотрения, так как они пожизненно были лишены свободы. Более 329 осужденным изменили режим заключения [6; 7]. Опасения о разгуле преступности после освобождения названных осужденных из-под стражи оказались преувеличенными. Таким образом, внедрение уголовных проступков в законодательство показало свою эффективность. Это был первый этап перехода к новой, более взвешенной и гуманной уголовной политике. Следующий этап должен был совпасть с процедурой сокращения сроков расследования уголовных проступков и разработки их ускоренного расследования. Однако состояться этому процессу помешали очередные социальные взрывы в стране и приход во власть новых политических лидеров. К сожалению, со старым мышлением.

В теории уголовного права впервые о внедрении уголовного проступка на концептуальном уровне высказались такие ученые, как М.Д. Шаргородский [8], Г.А. Кригер и Н.Ф. Кузнецова [9; 10]. Модель уголовного проступка предлагалась чуть ранее также В.И. Курляндским, который расширял сферу понимания проступка не только как уголовного деяния,

¹ В новом УК КР проступки перешли в категорию преступлений. При этом указано, что за преступления небольшой тяжести исключается такое правовое последствие, как судимость. По логике, это было бы понятно, если бы судимость исключалась за проступок, но не за преступление.

но и административного (то есть связанных с применением мер административного и общественного воздействия) [11]. Под его руководством был разработан проект Кодекса уголовных проступков.

Изучение природы уголовного проступка подвигло некоторых российских авторов считать, что уголовный проступок – это особый вид уголовных правонарушений, отличающийся как от административных проступков, так и от собственно преступлений [12]. Безусловно, отличия существуют. Административные правонарушения – это мелкие нарушения, хотя и наносящие вред, но настолько незначительный, что применение к ним мер уголовно-правового воздействия излишен (так называемое “право мелких санкций”). Проступки более опасны, нежели правонарушения, но наносимый ими вред менее значителен, чем вред, который наступает при совершении преступления. Поэтому в такой ситуации включаются механизмы уголовно-правового воздействия и соответствующие им процедуры. Интересен факт, что уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова заявила, что сегодня в России нет переходного состояния от административного правонарушения к уголовному, и эта ситуация заслуживает разработки нового законопроекта об уголовном проступке – таком деянии, которое выше по своей степени опасности административного правонарушения, но ниже уголовно наказуемого, порождающего судимость. Она предложила ввести в категорию уголовного проступка преступные действия небольшой тяжести, такие как мелкое хулиганство и кража [13].

Совершенно справедливое высказывание мы находим у М.С. Жук. Он приходит к выводу, что перспективным направлением в развитии отраслевой структуры уголовного права может стать формирование в нем подотрасли уголовных проступков [14].

Авторы академического курса уголовного права (в качестве теоретической модели) выделяют право уголовных проступков как подотрасли уголовного права, рассматривая их как разновидность преступлений, их особую модификацию. При этом, по их мнению, специфика правовой регламентации отношений, возникающих в связи с совершением уголовного

проступка, будет требовать её технического оформления на уровне отдельного нормативного правового акта (Кодекса уголовных проступков) [15]. М.И. Хавронюк, исследуя данную проблематику, также практически предложил реализовать новую модель структурирования уголовного проступка в Уголовном кодексе, расширив Особенную часть УК и поделив её на две книги: первая книга “Преступления” и вторая книга “Уголовные проступки” [16].

Доктрина уголовного проступка в науке уголовного права была заявлена и получила поддержку. Дело стало за законодательным решением вопроса и последующим правоприменением.

Сегодня уголовный проступок уже начал внедряться в законодательство, как было сказано выше, во многих государствах. Это и понятно, поскольку преступные деяния в силу модернизации социально-экономических отношений в обществе (смены формации, изменения экономики) находятся в постоянном движении. Опасность и вредность одних повышается (или появляются совершенно новые деяния), других – снижается либо вообще исчезает. Все это зависит от правильной оценки наносимого ущерба такими общественно опасными деяниями и их последующего закрепления в кодексах. Поэтому считать, что проступки – новое правовое явление, нельзя. Оно уже существует в зарубежном законодательстве и немного просуществовало в нашей стране в виде Кодекса о уголовных проступках, пока не было возвращено в категорию преступлений реформой 2021 г.

Робкие шаги к гуманизации уголовной политики в Кыргызстане оказались смещены в сторону дегуманизации, несмотря на то что экспертное сообщество и ряд неправительственных организаций пытались отстоять сохранение уголовных проступков в законодательстве страны [17]. Однако, несмотря на закрепление в новой Конституции страны нормы, предусматривающей существование уголовного проступка, она была проигнорирована реформаторами. Это свидетельствует об отсутствии стратегической цели реформирования.

Итак, в ст. 57 Конституции сказано: “Каждый считается невиновным в совершении преступления и/или проступка, пока его виновность

не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда”. Таким образом:

- 1) уголовные проступки закреплены в Конституции – де-юре;
- 2) следует проводить расследование дел о проступках и процедуры должны быть предусмотрены в УПК;
- 3) надо доказывать вину лица по делам о проступках;
- 4) необходимо дела рассматривать только на судебном заседании;
- 5) необходимо выносить по делам о проступке приговор суда.

И главным моментом в процессе досудебного и судебного рассмотрения дел о проступках должно быть их полное обеспечение соответствующими процессуальными гарантиями по соблюдению прав человека. Если проступки в результате реформы предусмотрены в Кодексе о правонарушениях против порядка управления (аналог административного кодекса советской эпохи), то все процедуры по их расследованию и рассмотрению в суде должны быть в нем прописаны. Но это меняет логику самого Кодекса о правонарушениях против порядка управления, где нет никаких процессуальных гарантий соблюдения прав человека, которые полностью предоставляет только Уголовно-процессуальный кодекс, который не распространяет свое действие на названный выше кодекс. Такая чехарда, связанная с взаимным проникновением кодексов друг в друга, есть нарушение прав человека.

Для правоприменителя очень важно понимание разграничения преступления, проступка и правонарушения. Тем более что выстроенная сегодня конструкция “преступление – правонарушение” не отвечает никакой логике реформы. Можно ли считать проступком то деяние, которое предусмотрено в Кодексе о правонарушениях против порядка управления? Либо это преступление небольшой тяжести в Уголовном кодексе? Об этом умалчивают как законодатели, так и разработчики новой эпохи. Безусловно, должны быть более четкие критерии разграничения деяний друг от друга и критерии их перемещения из одного кодекса в другой. Иначе опять расширится база так называемой администра-

тивной преюдиции, на которой было построено старое законодательство. Административные проступки, как отмечает М. Хавронюк, хотя и носят антиобщественный характер, свойством криминальной общественной опасности не обладают. Как давно уже отметила Н.Ф. Кузнецова, количество непроступных правонарушений не может перерасти в преступное качество, как сто кошек не могут приобрести качество тигра [18]. Но это тема отдельного исследования.

Понятно одно: необходимо выработать новое доктринальное толкование понятия правонарушения в новых “реформаторских” кодексах страны. При этом следует учитывать, что изменение названия Кодекса об административных правонарушениях на Кодекс о правонарушениях против порядка управления не изменило его содержания. Деяния, расположенные в нем, по логике не должны относиться к общественно опасным деяниям, поэтому Уголовно-процессуальный кодекс на него и не распространяется. Что касается уголовного проступка, то его безусловно надо вводить в законодательство, с учетом критериев разграничения от преступления и правонарушения, предусмотренных в УК и в Кодексе о правонарушениях. Без выработки таких критериев возникнут сложности в правоприменении и разграничении деяний между собой.

Уголовные проступки – менее опасные деяния, нежели преступления, поскольку наносимый ими вред должен быть незначительным. Но при этом меры, предпринимаемые государством по их предотвращению, должны быть адекватны соответствующим уголовно-правовым процедурам. Что касается правонарушений, расположенных в Кодексе о правонарушениях против порядка управления, от них не должно быть того вреда, который наступает при совершении уголовного проступка. Поэтому наказания здесь не должны быть репрессивными (например, не может быть ареста и общественных работ, которые являются уголовными наказаниями), а процедуры должны быть более упрощенными. Эти процедуры должны быть незатратными для государства, но обеспеченными тем набором процессуальных гарантий, которые необходимы для защиты прав человека. Так, например, Европейским судом по правам

человека признано право человека на защиту, независимо от того, совершено административное или уголовное деяние. Сам факт применения репрессивных наказаний в Кодексе о правонарушениях свидетельствует о том, что данные деяния относятся к категории уголовных, то есть констатируется их опасность для общества. В такой ситуации, согласно ряду решений Европейского суда, лица должны быть обеспечены всем набором процессуальных гарантий, в том числе и правом на защиту. Такие деяния должны быть исключены из Кодекса о правонарушениях и перенесены в Уголовный кодекс.

Еще один аргумент в пользу переноса уголовно-правовых деяний из Кодекса о правонарушениях в Уголовный кодекс – это наступление такого последствия, как ослабление борьбы с такого рода опасными деяниями. Борьба с преступностью осуществляется в случае столкновения с уголовными правонарушениями, но не административными. В Кодексе о правонарушениях против порядка управления не должно быть уголовных деяний. В нем должны остаться только такие деяния, которые нарушают правила и нормы в сфере государственного управления.

Таким образом, отличие проступка от преступления следует проводить по степени нанесенного вреда и санкции, которые устанавливает законодатель за их совершение. Санкция за проступки должна быть значительно ниже санкции за преступления и, как правило, не должна содержать лишения свободы.

Вывод. Наступило время глобального переосмотра и модификации многих институтов уголовного права. Возникает вполне справедливый вопрос относительно формирования такой самостоятельной подотрасли структуры уголовного права, как право об уголовных проступках. Проступок и преступление – однородно связанные правовые институты, объединенные решением одной задачи, поставленной в рамках единой отрасли уголовного права и достижения одной цели. С технической точки зрения они могут быть встроенными в единый нормативный документ, то есть в Уголовный кодекс, либо получить свою автономность в виде самостоятельного правового акта, как это было реализовано ранее в нашей стране в виде Кодекса о проступках. Обособленность уголовных проступков в самостоятельный

законодательный акт выстраивается на основе отличий, связанных с методом реализации отдельных институтов, отличных от аналогичных институтов Уголовного кодекса, изменении видов наказаний за совершение уголовных проступков, которые существенно могут отличаться от уголовных наказаний за преступления как по видам, так и по срокам и размерам, а также в выработке самостоятельных мер противодействия совершению уголовных проступков (криминологический аспект).

При этом следует иметь в виду, что новый Кодекс о правонарушениях против порядка управления должен содержать именно мелкие правонарушения, но не преступления или уголовные проступки. Именно порядок управления является тем базовым ядром посягательства при их совершении, а не мелкая кража или домашнее насилие, которые не имеют никакого отношения к такому порядку государственного управления.

Какие бы не возникали препятствия по внедрению уголовного проступка, следует признать, что фактически сформированы все условия для развития более модернизированного уголовного права современного периода с формированием его новых подотраслей, охватываемых уголовно-правовым регулированием общественных отношений. Нужны важные шаги по формированию современного уголовного законодательства на основе новой доктрины его развития. Нельзя возвращаться назад в ушедшую эпоху, где право регулировало совершенно иные правоотношения.

Литература

1. Сыдыкова Л.Ч. Реализация уголовного законодательства: проблемы и решения / Л.Ч. Сыдыкова, Н.Н. Сулайманова // Вестник КPCY. 2018. Т. 18. № 3.
2. Головки Л.В. Заключение к проекту УК КР 1996 г.
3. Коробов П.В. Уголовный проступок: “за” и “против” / П.В. Коробов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб., 1990. № 5.
4. Судебно-правовые реформы в Узбекистане: 10 важных шагов в 2020 году. URL: <https://uza.uz/ru/posts/sudebno-pravovye-reformy-v-uzbekistane-10-vazhnyx-shagov-v-2020->

- godu_255915?q=%2Fposts%2Fsudebno-pravovye-reformy-v-uzbekistane-10-vazhnyx-shagov-v-2020-godu_255915 (дата обращения: 08.11.2021).
5. Правоохранительное лобби выступит против уголовных проступков // Политика. Независимая газета (ng.ru). URL: https://www.ng.ru/politics/2021-02-19/1_8087_politics1.html (дата обращения: 08.11.2021).
 6. В Киргизии 431 заключенный вышел на свободу. URL: <https://easaily.com/ru/news/2019/06/07/v-kirgizii-431-zaklyuchenny-vyshel-na-svobodu> (дата обращения: 08.11.2021).
 7. Сколько всего заключенных в КР и как много из них сидят по тяжким статьям. Выступление председателя Государственной службы исполнения наказаний Аската Эгембердиева. URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20201203/1050656532/gsin-askat-ehgemberdiev-zaklyuchennye-chislo-prestupleniya.html> (дата обращения: 08.11.2021).
 8. Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / М.Д. Шаргородский // Тезисы докладов на научной конференции “Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма”. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
 9. Кригер Г.А. Новое уголовное законодательство и его научно-практическое применение / Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецова // Советское государство и право. 1984. № 1.
 10. Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. 2010. № 6.
 11. Курляндский В.И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью / В.И. Курляндский // Советское государство и право. 1972. № 9.
 12. Генрих Н.В. Проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования / Н.В. Генрих // Общество и право. 2009. № 4.
 13. Омбудсмен Москалькова предложила ввести в России понятие “уголовного проступка”. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/09/14/ombudsmen-moskalkova-predlozhila-vvesti-v-rossii-ponyatie-ugolovnogo-prostupka.html> (дата обращения: 08.11.2021).
 14. Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития / М.С. Жук. М., 2013.
 15. Академический курс уголовного права. Т. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.
 16. Хавронюк М. Концепцію визначено: адміністративні проступки, кримінальні проступки, злочини. Настав час розмежувати / М. Хавронюк // Основні напрями розвитку кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність: матер. між нар. наук.-практ. конф., 11–12 жовт. 2012. Х.: Право, 2012.
 17. Экспертное заключение по проекту Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов и Кодекса о правонарушениях против порядка управления, разработанных Генеральной прокуратурой КР / Общественный фонд “Стратегические решения”. 14 июня 2021. URL: http://advokatura.kg/sites/default/files/documents/ekspertnoe_zaklyuchenie.pdf (дата обращения: 08.11.2021).
 18. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения уголовного права европейских стран. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280#pos=3;-110 (дата обращения: 08.11.2021).